

Музилке

№ 5-6

Май—июнь
1944

Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов

Е. ТРУТНЕВА

Рис. В. ТАУБЕРА

ФАБЗАЙЧОНОК

Рыжий кот на солнце жмурится
В мастерской у верстака.
Через окна манит улица
Удалого паренька.

За змейками за хвостатыми
Прыгнул в небо ветерок,—
Пробежаться бы с ребятами,
Поднимая пыль с дорог!

Запускать змейки трескучие
Выше крыш и облаков
Веселей, во всяком случае,
Чем стоять у верстаков.

Рыжий кот на солнце жмурится
В мастерской у верстака.
Не мани, родная улица,
Удалого паренька.

Время маленького сокола
Стрелкой меряют часы...
Старый мастер ходит около,
Ухмыляется в усы:

«Не змейками с переплётками
Да с верёвочным хвостом,—
Боевыми самолётами
Будешь хвастаться потом!»

Лев КАСИЛЬ

Рис. В. ЩЕГЛОВА

МЫ НАСТУПАЕМ

1. СОБИРАЛИСЬ ГЕНЕРАЛЫ НА СОВЕТ

Собирались в одном селе генералы на совет. А немцы перед этим всё село сожгли. Осталась цела только одна изба бабушки Варвары. Не успели её немцы спалить. Пришла в село Красная Армия. Устроили в бабкиной избе походный штаб.

— Мы вас, бабушка, не потревожим?— спрашивают штабные.

— Что вы!—говорит бабка.—От вас одна радость, а не беспокойство. Соскучились мы по вас, дорогие.

Положили штабные на стол свои карты. Поставили телефоны. Провода во все стороны протянули.

А к вечеру генералы приехали. Устроили военный совет: как лучше наступление

на немцев делать, с какой стороны ударить, где пушки поставить, где конницу пустить, а куда танки. Всё рассчитали по минуткам и часы проверили.

И пошли по телефонным проводам приказы. Артиллеристам приказ—чтобы ночью из всех пушек ударили. Самолётам приказ—чтоб в нужный час бомбы на немцев бросили. Пехоте приказ—чтоб грянула к утру на врага. Кавалеристам приказ—чтоб с вечера коней хорошо покормили для похода. Докторам и санитарам приказ—чтоб лекарства и бинты для раненых готовили. Поварам и походным кухням приказ—чтобы щи для бойцов пожирнее сварили.

А бабушка Варвара вокруг стола на

XLV-80

цыпочках ходит. Внучатам своим велела на печке лежать тихонько, чтобы не слышно их было. Сама генералов молочком угощает: «Кушайте, родные. Хозяйство-то у вас, я гляжу, тоже большое. Забот много».

До самой ночи засиделись генералы на военном совете. Потом встал главный генерал, взглянул на часы.

— Ну, пора. Начинаем наступление.

— В добрый час, — сказала бабка.

2. «КАТЮША»

Прозвали её наши бойцы «Катюшей». Знает «Катюшу» по имени весь мир. Но мало кто видел «Катюшу» своими глазами. Она ото всех прячется. Кто из немцев хоть раз глянул на «Катюшу», тот ослеп. Кто голос её близко слышал, навсегда оглох. А кто из врагов с «Катюшей» в бою встретился, от того и костей не собрали.

Как услышат немцы, что «Катюша» близко, так прячутся куда попало, бегут подальше:

— Ой, ой, Катюша, Катюша!.. Капут!

Значит, конец пришёл, спасайся!..

Но от «Катюши» не убежишь. От «Катюши» не скроешься. Заверещала, охнула,

заговорила «Катюша» своим неслыханным голосом... Словно тысяча коней заржала. Целой стайей летят калёные снаряды. За каждым — хвост из огня. Рвутся, шипят, молнией брызжут, дымом кроют. Всё вдоль и поперёк сожгла «Катюша», всё вокруг искрошила, землю в пепел истолкла. А от немцев только зола осталась.

Вот она какая, «Катюша»! А больше ни о чём меня не спрашивай. Всё равно не скажу. Это военная тайна, строгий секрет. Нигде на свете нет больше такой страшной боевой машины, как наша «Катюша». Придумали её русские инженеры, и враги никак не дознаются, в чём её секрет.

3. ГЛАВНОЕ ВОЙСКО

Не гром ударил—«ура» загремело. Не молния блеснула—штыки засверкали. Пошла в бой наша пехота. Главное войско. Без него победы нет.

Самолёт бросит бомбы—улетит. Танк дорогу проложит—и уйдёт. А пехота всем завладеет, под землёй врага достанет.

Велика сила у русского солдата. А храбрости и умения ещё больше. Один-на-один против танка выходит с гранатой. Где немца штыком не достанет, там пульей не промахнётся.

Мороз трещит, снег—идёт пехота.

Солнце жарит, пыль—идёт пехота. Дождь льёт, грязь—идёт пехота. День светлый—идёт пехота. Ночь тёмная—идёт пехота.

Пришла пехота, залегла, окопалась. Ждёт приказа, чтобы в наступление итти.

Самолёты наши разведали, где враг. Пушки наши продолбили путь, танки дороге расчистили. Вперёд, пехота!

И пошла работа: огнём стелет, пульей бьёт, гранатой глушит, штыком колет, тесаком рубит, прикладом валит.

Не гром гремит, не молнии блещут—идёт пехота в наступление.

4. ВАЖНОЕ СООБЩЕНИЕ

По всей стране, в каждом доме слушают люди: «Говорит Москва! Приказ Верховного Главнокомандующего...»

Новая победа! Наши войска освободили сегодня большой город. Враг отступил.

Сам маршал Сталин благодарит наши храбрые войска. И тысячи людей в Москве спешат к Кремлю. Каждый в этот час хочет быть поближе к Сталину.

Пробили часы на кремлёвской башне. Дрогнула земля. Ударили разом триста пушек. И вдруг будто все огни московских

светофоров взлетели в небо. Рассыпались шипучие весёлые ракеты. Красные, жёлтые, зелёные. Небо всё в блёстках, как праздничная ёлка. Светло стало, как днём. На плечах у взрослых дети прыгают, радуются. А те, кто поменьше, уже давно легли спать. И снится ребятам, что огромный добрый великан по имени Салют громко шагает по крышам, сыплет с неба цветные огни и стучит во все окна: «Выходите, люди добрые, на улицы. Важное сообщение. Победа и слава!»

С О С Ч И

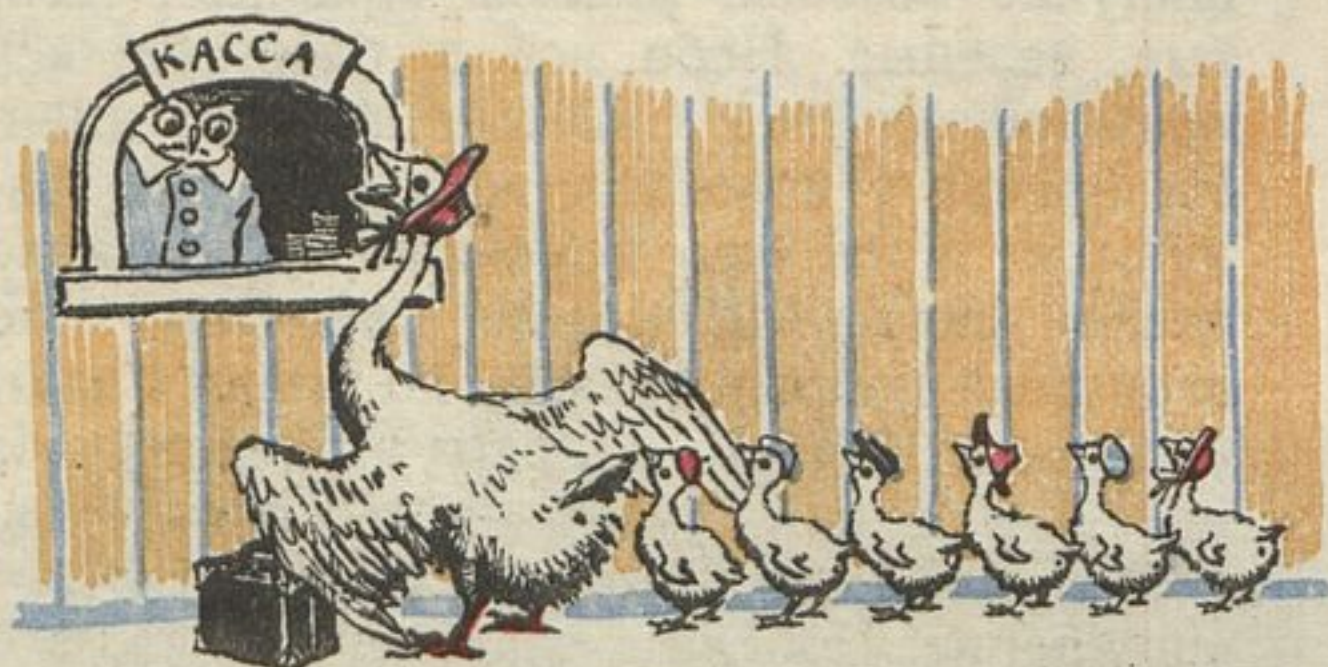
$$4-2=$$

Как-то четверо ребят
С горки покатались.
Сколько в саночках сидят?
Сколько в снег свалились?

$$1+1+1+1+1+1+1=$$

— Вам куда?
— До Птицеграда.
— Сколько вам билетов надо?
— Раз...два...три...четыре...пять...
Помогите сосчитать.

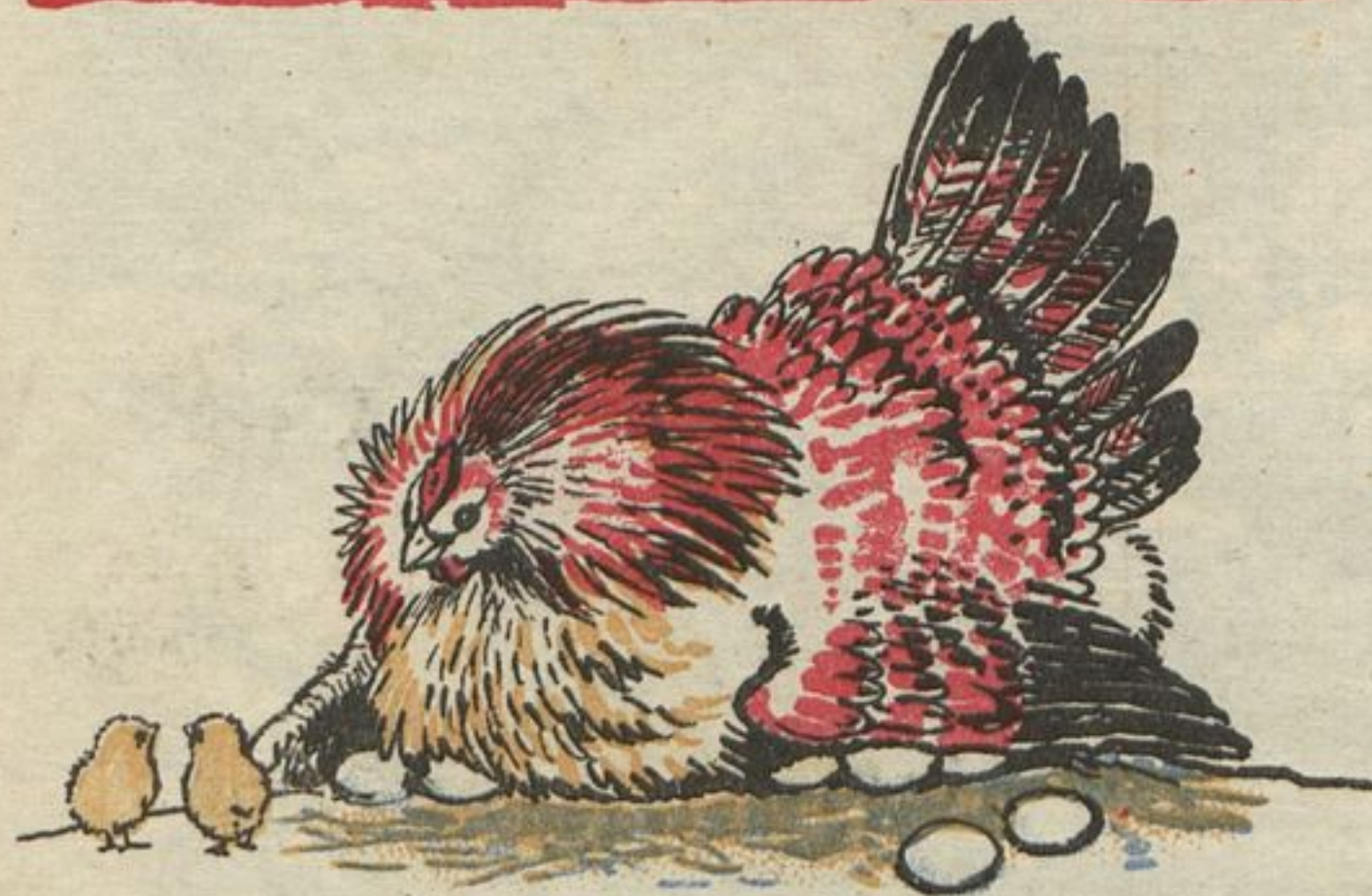
$$7-3=$$

Угощать пора настала,
Но ребятам чашек мало
Сколько чашек, сосчитай-ка,
Доставать должна хозяйка?

$$2+2+5=$$

Два цыплёнка стоят,
Два—в скорлупках сидят,
Да ещё пять яиц под наседкой лежат.
Сосчитай поверней,
Отвечай поскорей,
Сколько будет цыплят у наседки моей.

Т А Й - К А !

$$7 - 1 - 1 - 1 =$$

Стоит коза,
Голосит коза:
«Ой, беда, беда, беда!
Разбежались кто куда
Семеро козлят!»
Один—в лесок,
А другой—за стог,
А третий козлёнок
Спрятался в бочонок.
А сколько козлят
В избушке сидят?

$$3 + 1 + 4 =$$

Посадила бабка в печь
Пироги с капустой печь.
Для Наташи, Коли, Вовы
Пирожки уже готовы,
Да ещё один пирог
Кот под лавку уволок,
Да в печи четыре штуки.
Будут сыты кот и внуки!
Сколько бабка в печке русской
Пирожков пекла с капустой?

$$3 + 3 + 2 =$$

Три гуся летят над нами,
Три других за облаками,
Два спустились на ручей.
Сколько было всех гусей?

$$3 + 4 + 2 =$$

Сидят рыбаки,
Стерегут поплавки.
Рыбак Евсей
Поймал трёх карасей,
Рыбак Корней—
Четырёх окуней,
Рыбак Михаил
Двух сомов изловил.
Сколько рыб рыбаки
Натаскали из реки?

СУВОРОВЕЦ ЛЁНЯ

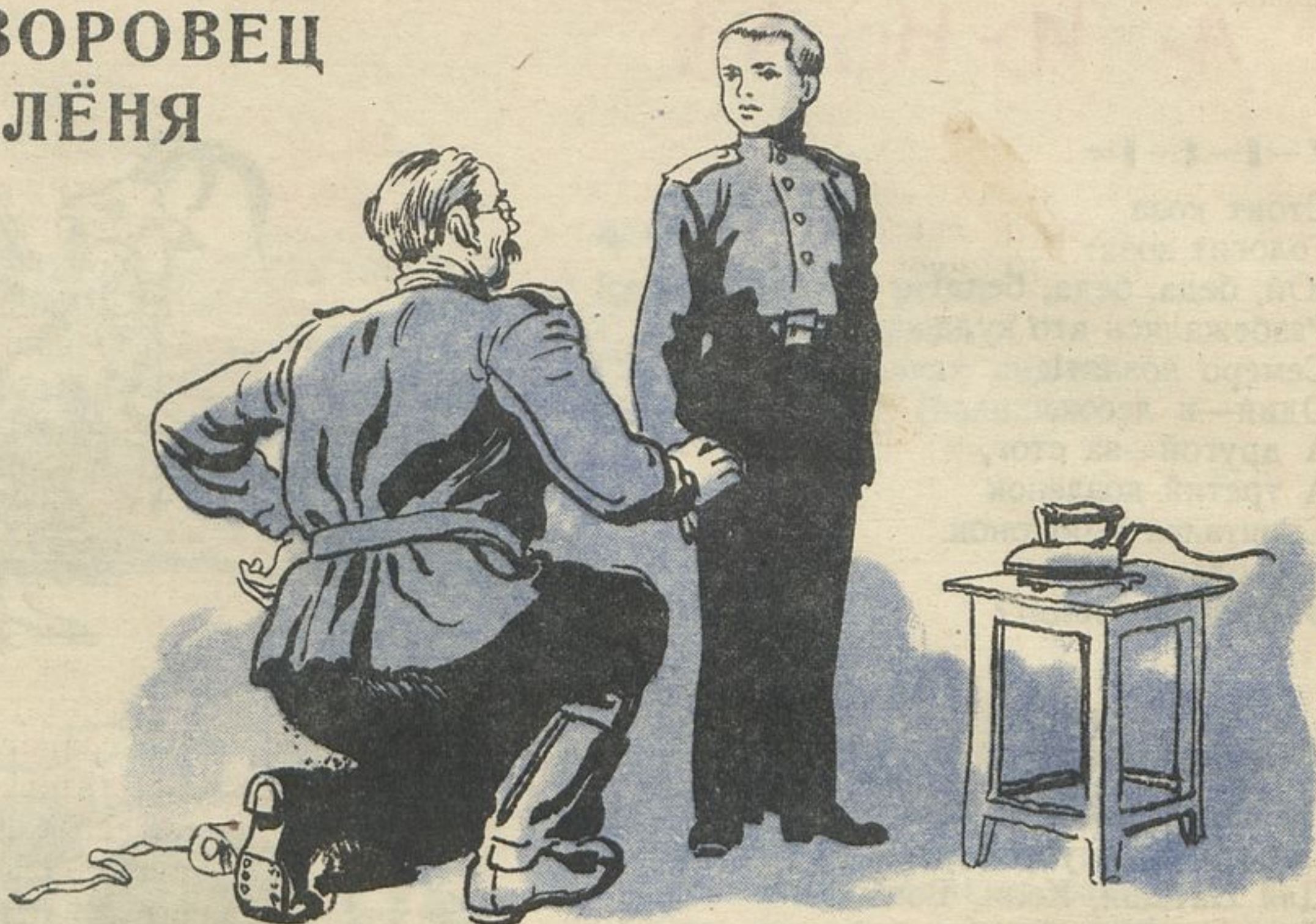

Рис. Б. ДЕХТЕРЕВА

Когда училищный портной Иван Матвеевич расправил и одёрнул на Лёне рубашку с красными погонами, мальчику вдруг стало жарко от волнения.

— Вот вы и военный,—сказал Иван Матвеевич, приглаживая рукой складки на Лениных брюках.—Несколько годков проучитесь, станете офицером. Я тогда как встречусь с вами, так сейчас откозыряю.

Старый портной выпятил грудь и закричал страшным голосом:

— Здравия желаю, товарищ лейтенант!

Лёня засмеялся и покраснел ещё больше. Ему нравилось, что все в училище говорят ему «вы», нравился огромный старинный дом училища с башнями и гулкими светлыми коридорами, нравились офицеры-воспитатели, вежливые, в мундирах с иголочки, в начищенных до блеска сапогах. В особенности нравился Лёне воспитатель его отделения—старший лейтенант Кудинов. Это был ещё совсем молодой человек с Красной Звездой и орденом Отечественной войны на гимнастёрке. Старшие воспитанники рассказывали, что Кудинов сражался с немцами под Ленинградом и своими руками поджёг четыре немецких танка. Сам Кудинов о себе го-

ворить не любил, зато охотно разговаривал с мальчиками и по вечерам, когда кончались уроки, читал им вслух. Вот и недавно он читал такие хорошие стихи, что Лёня их запомнил наизусть:

Зима не даром злится:
Прошла её пора;
Весна в окно стучится
И гонит со двора.

Лёне очень хотелось быть похожим на Кудинова. Поэтому он старался чётко и быстро отвечать на вопросы старших, в строю отбивал твёрже шаг и ежеминутно вытаскивал из кармана чистый носовой платок, хотя он ему вовсе был не нужен.

Так интересно было чувствовать себя настоящим военным!

До училища Лёня был вместе со своим дядей в партизанском отряде, ходил даже в разведку к немцам, но всё-таки это было совсем не то, что в КСВУ. (Калининском суворовском военном училище). В отряде был он обыкновенным мальчишкой.

А теперь у Лёни—парадная и будничная форма с погонами; он ловко козыряет офицерам и громко отвечает: «так точно» и «никак нет», как взрослый боец.

Грустно становилось Лёне только по праздникам, когда другие мальчики уезжали к себе домой.

У Лёни не было дома. Его папа—лейтенант—был убит на финской войне, а мать и сестрёнка Маня ещё в первые месяцы войны уехали куда-то далеко и пропали.

Но однажды в спальню вошёл старший лейтенант Кудинов. В руках у него была какая-то бумага.

— Воспитанник Беляев!—вызвал он.

Лёня вытянулся перед воспитателем:

— Воспитанник Беляев Леонид явился в ваше распоряжение.

— Мы выяснили адрес вашей матери,—сказал воспитатель.—Можете на каникулах поехать, навестить её.

И вот солнце блестит на носках Лёниных ботинок, и он идёт по улице городка, где живут его мама и сестра Маня.

— Каляевская, восемь,—бормочет Лёня адрес.—Вот удивятся-то, когда увидят, что я жив-здоров!

Но вдруг Лёня вспоминает, как плакала мать, провожая на войну отца, как дрожали её узкие плечи. И ему становится страшно за мать.

«Надо её подготовить, а то она ещё заболит, когда я так, сразу, явлюсь перед ней», озабоченно подумал мальчик.

Вот и Каляевская—длинная улица, вся в белых одинаковых домиках. Из одного дома, побольше, выбежала стайка девочек с книжками. Девочки с любопытством уставились на маленького суворовца с красными погонами.

— Разрешите узнать, не у вас ли в школе учится Беляева Мария?—спросил Лёня, откозырнув девочкам.

Те даже рты разинули от удивления.

— У нас! У нас!—закричала вдруг самая курносая и бегом бросилась в школу.

Беленькая, кудрявая, как барашек, и сильно выросшая Маня кубарем выкатилась на крыльцо. Долго пришлось Лёне уверять её, что он и есть тот брат Лёнька, которого они с мамой считают умершим.

— Ох, Лёнька, да какой ты стал важный!—охала Маня.—Пойдём скорей домой!

— Нет, Маня, ты пойдёшь первая, отдай маме мою карточку и скажи, что прислали её в школу с письмом от меня.

— А если мама спросит, где письмо?

— Ты ничего не отвечай. Я сам отвечу.

На снимке Лёня в суворовской форме стоял навтыжку и сдержанно улыбался.

Брат и сестра поднялись по лестнице дома № 8, и Лёня приклеился ухом к двери.

— А я тебе подарок принесла, мамочка!—сказала, войдя, Маня.—Вот погляди.

— Что это?—спросил мягкий голос матери, и Лёня у двери облизнул губы. Послышался лёгкий крик:—Господи! Лёня! Наш Лёня! Неужели жив?! Мальчик мой родной! Сыночек! Военным стал! Откуда это у тебя? Говори скорей!—дрожащим голосом спрашивала мать у дочери.

— Это сам Лёня в письме прислал к нам в школу,—сказала Маня.

— А где это письмо?—торопливо спросила мать.

— Вот оно, мама,—сказал, распахнув дверь, Лёня. И он, как был, в шинели и шапке, бросился обнимать мать.

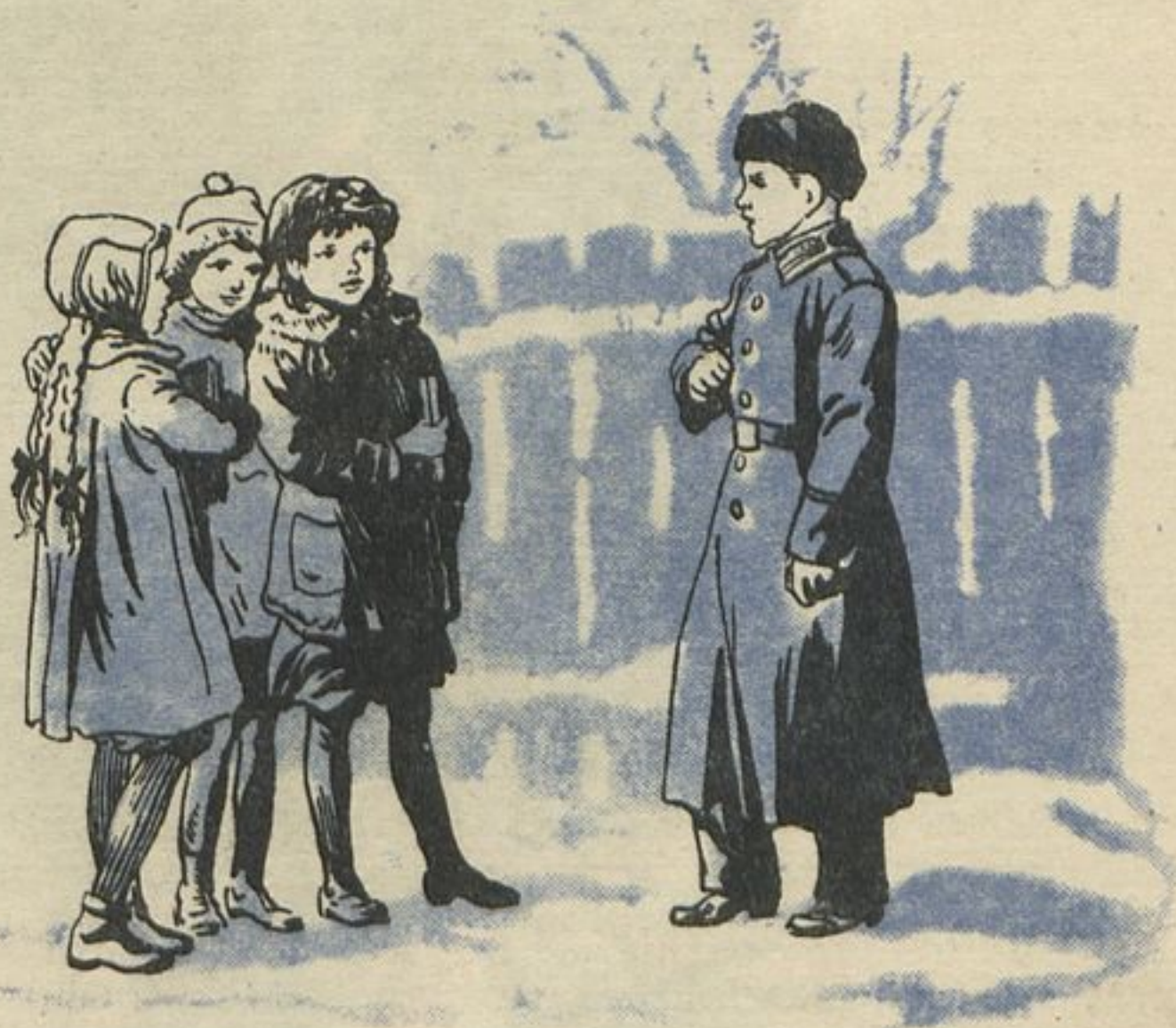
Какая это была радостная, счастливая встреча! Как много было слёз, смеха и поцелуев! Когда все наговорились и нагляделись друг на друга, мать спросила Лёню:

— Так, значит, ты будешь офицером, как папа?

— Да,—гордо сказал Лёня.—И знаешь, мама, когда я выучусь, даже Иван Матвеевич будет мне отдавать честь.

— А кто это Иван Матвеевич? Ваш командир?—спросила мать.

— Нет. Это наш портной в училище. Он очень строгий,—сказал Лёня.

оронту

ГУСЬ ЧАСОВОЙ

Рис. Е. РОДИОНОВОЙ

У нашего командира корпуса прижился большой белый гусь. Этого гуся принесла повару женщина из освобождённого села, и повар хотел его зарезать. Смотрят — гусь никого не боится, пошёл по двору, вытянул шею и, расправив блестяще-белые широкие крылья, точно потягивается.

Вышел на крыльцо гвардии генерал-лейтенант, посмотрел и говорит:

— Не режь ты гуся, Ефимыч, пусть живёт. Вон какой красавец.

Гусь очень быстро привязался к людям. Привык он к повару Ефимычу. Повар всегда кормил его, гладил по белой плотной спине и приговаривал: «Не ешь гуся, он тебя укуся». А гусь забирался носом в рукав Ефимычу и пощипывал за руку. Привык он и к шоферу. Тот при переездах с места на место брал гуся и сажал его в ящик для инструментов, а приехав, сейчас же вытаскивал и говорил: «Вылезай, приехали!»

Но больше всего привык гусь дежурить по ночам с часовым. Пока часовой ходит взад и вперед, гусь сидит где-нибудь около машины генерала или в сенях. Но как только часовой остановится, гусь перейдёт к нему, усядется у его ноги, уткнёт голову под крыло и спит. Да так плотно прислонится к часовому, что тому и отойти нельзя, не потревожив соседа. Гусь покачнётся, вытащит голову из-под крыла и крикнет обиженно.

Генерал уж смеялся, что у него ночью по-двое часовых стоят.

— Этот гусь, товарищ гвардии генерал-лейтенант,—ответил один из часовых,—очень замечательная птица: чуткий

очень. Вы поглядите, как он издали всякий шорох слышит. Как начнёт шею вытягивать—значит, гляди в оба.

Части Красной Армии начали большие наступательные бои. Немцы бросали сотни самолётов на наши подразделения. В эти дни управление корпуса расположилось в глубокой балке. В кустах поставили телефонные аппараты: тут расположились отделы штаба. Генерал-лейтенант развернул карту на маленьком походном столике у себя в палатке и сел работать над планом наступления. Перед палаткой днём и ночью дежурил часовой.

Направо у крутого склона сапёры выкопали щель. Потом они сделали ступеньки на крутом склоне балки и пошли обедать.

Гусь подошёл к ступенькам и стал взбираться. Он шлёпал лапами по свежесрытой земле, укреплялся и переваливался наверх, махая длинными белыми крыльями. Так он вылез на край балки, постоял, походил и наконец уселся на травке, там, куда ложились тёплые солнечные лучи.

В следующие дни гусь с утра взбирался наверх за солнышком, к обеду ковылял вниз по ступенькам, неуклюже ступая красными лапами, и являлся у печечки, сложенной Ефимычем под склоном.

Через несколько дней, когда все были заняты делом, Ефимыч услышал, как на-

верху гусь загоготал, будто сказал протяжно: «Га-а!» Ефимыч посмотрел наверх и увидел, что гусь стоит и, вытянув шею, поворачивает голову немного вверх и вправо.

Ефимыч уж хотел снова взять морковку и продолжать её чистить, но подумал и ещё раз взглянул на гуся. Гусь переступил с места на место, вытянул шею вверх и как бы прислушивался.

— Эй, Цибриков! — сказал Ефимыч часовому, тому, который хвалил гуся за чуткость. — Что-то твой подменный тревожится?

Цибриков, пожилой боец с двумя — золотой и красной — ленточками ранений на правой стороне груди и медалью «За отвагу» — на левой, стоял у палатки генерала с автоматом на ремне. Он сам уже смотрел на гуся и подвигал на груди автомат.

— Гляди, гляди, — сказал он повару, — он неспроста так...

— Кто-нибудь в кустах ходит, — ответил повар.

— Нет, — поглядел часовой, — не в кустах. Товарищ гвардии генерал-лейтенант, — громко сказал он в двери палатки, — разрешите доложить: самолёты идут... шибко высоко... немецкие...

Генерал-лейтенант, высокий стройный человек, вышел из палатки и прислушался.

— Ничего не слышно, — сказал он. — Откуда ты взял, Цибриков?

— По гусю уверяюсь, товарищ генерал-лейтенант.

Генерал засмеялся.

— Уж эти мне часовые! — сказал он, глядя на край оврага.

Там большой белый гусь бежал от чего-то напугавшего его, поворачивая голову на длинной шее и коротко повторяя своё «га-а».

— Объявите тревогу, — сказал генерал адъютанту.

Бойцы и офицеры подбегали отовсюду к желтевшим щелям, но медлили спускаться: небо было ясное. Генерал стоял вместе со всеми.

Первые бомбы, засвистев, попали на край балки и разорвались, закрыв дымом и пылью небо над головой Цибрикова. Стало темно, как в грозу, только зелёный склон балки, ярко освещённый солнцем, точно напечатался в глазах Цибрикова. Белая большая птица, раскрыв крылья, скользила вниз по лестнице, переваливаясь со ступеньки на ступеньку. Со следующим взрывом гусь тяжело полетел на длинных крыльях, и когда Цибриков заскочил в щель, он увидел, что гусь низко пролетел над щелью и засунулся под машину.

Всё вокруг гудело от взрывов, и в щель сыпалась при каждом ударе сырая чёрная земля.

Когда гул самолётов затих, все вышли из щелей и увидели: словно кто вспахал землю в балке, — так много осталось воронок от разорвавшихся снарядов. Палатка генерала, плита Ефимыча, машина — всё было разбито. Но убитых не было ни одного. Было двое легко раненных. Генерал подошел к Цибрикову.

— Хороший часовой! — сказал он. — Благодарю за службу!

— Товарищ гвардии генерал-лейтенант, — ответил Цибриков, — он часовой замечательный, я говорил.

— Кто он?

— Да гусь. Разрешите машину поднять: он туда забился. Наверно, убило его.

Разобрали обломки машины. Смотрят: у заднего уцелевшего колеса сидит гусь, испуганный, но целый и невредимый.

— Вот он, часовой наш! — обрадовался Цибриков. — Вылезай, собирайся на ночную вахту.

— Вы меня не поняли, товарищ Цибриков, — сказал, улыбаясь, генерал. — Хороший часовой вы, а не гусь. А потому вы хороший часовой, что замечаете и видите всё вокруг себя и делаете правильные выводы из наблюдений. За это я и благодарил вас, товарищ Цибриков.

Цибриков молча отдал честь.

Зеркальце

корейская

сказка

Рис. Е. РОДИОНОВОЙ

Не теперь это было.

Случилось одному крестьянину поехать в столичный город на базар. И там купил он себе диковинную вещь. Пользы от неё никакой. Ни есть из неё нельзя, ни пить. Из чего сделана—не поймёшь. Не то из стекла, не то из серебра.

Зато если взглянешь на неё—человека увидишь. Улыбнёшься—и он тебе улыбнётся, гримасу состроишь—и он в долгу не останется. Ну, совсем живой человек, только голоса не подаёт. И зовётся эта штука чудным словом—зеркало.

Вернулся крестьянин домой и никому не показал своего зеркальца. Спрятал его подальше и только изредка потихоньку вытаскивал, чтобы позабавить себя.

А жена заметила, что муж что-то пря-

чет от неё, что-то украдкой рассматривает и улыбается. И взяло её любопытство.

Вот однажды улучила она время, когда мужа не было дома, и достала зеркальце из потаённого места. Заглянула в него да так и ахнула: смотрит на неё из зеркала какая-то красавица.

Глаза у красавицы весёлые, щёки румяные, на шее ожерелье из разноцветных камней—ну, точь-в-точь как у неё самой.

Рассердилась жена, даже покраснела вся:

«Вот, значит, кем он всё любит, на любоваться не может. Видно, я уже нехороша для него».

И так стало ей обидно, так обидно, что даже расплакалась она, разглядывая красавицу в зеркале.

Тем временем пришла домой мужнина мать.

— Ты что это слёзы льёшь?—спрашивает невестку.

— Как же мне не лить слёзы,—отвечает невестка,—когда муж больше и смотреть на меня не хочет. Чуть я отвернусь, он всё какой-то красавицей любит.

Удивилась свекровь словам невестки.

— Не пойму я что-то. Кем же это он любит? Кроме тебя, нет у нас в деревне другой красавицы.

— А вот она, поглядите,—сказала невестка и протянула свекрови зеркальце.

Заглянула свекровь в зеркальце—и правда, смотрит на неё оттуда женщина, да только такая уж старая, такая безобразная! Волосы седые, рот без зубов, лицо всё в морщинах.

Рассмеялась свекровь.

— Это кого же ты красавицей назы-

ваешь?—спрашивает.—Вот эту рябую старуху? Да такая красавица только в огородное пугало годится. Ты посмотри-ка хорошенько.

Посмотрела невестка и ещё больше расплакалась.

— Видно, вы насмехаетесь надо мной,—говорит.—Вон она какая молодая да румяная. И ожерелье у неё какое красивое!

Выхватила свекровь у неё зеркальце. Глядит в него и от смеха удержаться не может.

— Да уж видать, что молодая—лет под семьдесят будет. И где же это увидела ты ожерелье? Кожа у неё от старости сморщилась и складками на шее висит—это правда. А тебе ожерелье мерещится.

Тут пришел домой свёкор. Видит—что-то неладное творится: шум, спор, невестка плачет, старуха смеётся.

Стал он расспрашивать их, что такое случилось, и показали они ему это удивительное зеркальце.

Посмотрел свёкор и даже плюнул.

— Обе вы,—говорит,—дуры. Мужика от бабы отличить не можете. Смотрите-ка глазами.

Только правда сильнее слов. Взглянет невестка—красавица ей в глаза смотрит. Взглянет свекровь—старуха на неё

косится. Взглянет свёкор—старик ему усмехается.

— Да вы смотрите: где же это видано, чтобы у бабы усы были?—кричит свёкор.

— А у каких же это красавиц лица морщинами разукрашены?—кричит свекровь.

— А когда же это мужики бусы носили?—кричит невестка.

Спорили, спорили, ни до чего не доспорились.

В это время забежал к ним в дом соседский мальчишка. Увидел зеркальце, и захотелось ему тоже заглянуть в него. Он и заглянул. Да так и раскрыл глаза от удивления. Из зеркальца смотрел на него какой-то чужой парень, во все глаза смотрел, точно удивился чему-то или испугался. А в руке сжимал парень раковину, ту самую раковину, которую мальчишка только что подобрал на берегу.

— Ах, ты такой-сякой! Ты как смел мою раковину взять? Вот тебе за это! Получай!

Размахнулся он и изо всей силы ударил кулаком по зеркалу.

Упало зеркальце на пол и вдребезги разбилось, на сотни кусков разлетелось.

А раз уж разбилось зеркальце,—значит, и спорить не о чем, и говорить больше нечего, и сказке конец.

В. АРСЕНЬЕВ

Рис. А. ЛАПТЕВА

В 1902 году с охотничьей командой я пробирался по долине, которую здешние переселенцы называют «Стеклянная падь». Такое название она получила от китайской зверовой фанзы, в окне которой был вставлен небольшой кусочек стекла. Тогда в глухих местах стекло ценилось особенно дорого. В глубине гор и лесов пустую бутылку можно было выменять на муку, соль и даже на пушнину. Решетчатые окна в китайских фанзах оклеивались тонкой бумагой. Немудрено, что кусок стекла в окне китайской фанзы обратил внимание первых переселенцев, и они назвали «стеклянной» не только фанзу и речку, но и всю прилегающую местность.

Путеводною нитью нам служила маленькая тропинка, проложенная китайски-

ми охотниками. С каждым днём тропинка становилась всё хуже и хуже. Видно было, что по ней давно уже не ходили люди. Она заросла травой и во многих местах была завалена буреломом. Вскоре мы её совсем потеряли. Встречались нам и зверовые тропы; мы пользовались ими, но больше шли целиною. На третий день к вечеру мы подошли к горному хребту.

Я остановился на бивак, чтобы засветло можно было поставить палатки и натаскать дров на ночь. Пока стрелки возились на биваке, я воспользовался свободным временем и от-

правился осматривать ближайшие окрестности. Постоянным моим спутником в такого рода экскурсиях был Олентьев — отличный человек и прекрасный охотник.

Перейдя через невысокий хребет, мы

Ребята! Вы зачитываетесь приключениями в джунглях Индии, а не подозреваете, что в нашей стране есть места, не менее интересные.

С первого номера мы начали печатать рассказы русского путешественника В. Арсеньева.

Арсеньев тридцать лет исследовал Уссурийский край, на Дальнем Востоке, у берегов Тихого океана. Там непроходимая тайга, вековые деревья обвиты лианами, там водятся тигры. В глухой тайге живут замечательные народы — охотники и следопыты.

Рассказы Арсеньева печатаются в обработке И. Халтурина.

попали в соседнюю долину, поросшую густым лесом. Тут мы разошлись. Я пошёл влево, а Олентьев — вправо. Не прошло и двух минут, как вдруг в его стороне грянул выстрел. Я обернулся и в это мгновение увидел, как что-то гибкое и пёстрое мелькнуло в воздухе. Я бросился к Олентьеву. Он поспешно заряжал винтовку, но, как на грех, один патрон застрял в магазинной коробке и затвор не закрывался.

— В кого ты стрелял? — спросил я его.

— Кажется, в тигра, — ответил он. — Зверь сидел на дереве. Я хорошо прицелился и, наверное, попал.

Наконец застрявший патрон был вынут. Олентьев вновь зарядил ружьё, и мы осторожно двинулись к тому месту, где скрылось животное. Кровь на сухой траве указывала, что зверь действительно был ранен. Вдруг Олентьев остановился и стал прислушиваться. Впереди, немного вправо от нас, слышался храп. Сквозь заросли папоротников ничего нельзя было видеть. Большое дерево, поваленное на землю, преграждало нам путь. Олентьев хотел было уже перелезть через валежник, но раненое животное предупредило его и стремительно бросилось навстречу. Олентьев второпях выстрелил в упор, даже не вставляя приклада ружья в плечо, и очень

удачно. Пуля попала прямо в голову зверя. Он упал на дерево и повис на нём. Животное сделало ещё несколько движений и начало грызть землю. Потом оно медленно подалось вперёд и грузно свалилось к ногам охотника.

С первого же взгляда я узнал манчжурскую пантеру, называемую местными жителями «барсом». Длина тела от носа до корня хвоста была почти полтора метра. Шкура пантеры, ржаво-жёлтая по бокам и на спине и белая на брюхе, была покрыта чёрными пятнами. Пятна эти располагались рядами, как полосы у тигра.

Главной пищей пантеры служат пятнистые олени, дикие козули и фазаны. Животное это крайне хитрое и осторожное. Спасаясь от человека, пантера взлезает на дерево и выбирает такой сук, который приходится против её следов на земле и, следовательно, как раз против луча зрения охотника. Растянувшись вдоль него, она кладёт голову на передние лапы и в этом положении замирает. Она отлично понимает, что со стороны головы её тело, прижатое к суку, менее заметно, чем сбоку.

Снятие шкуры с убитого животного отняло у нас более часа.

Когда мы тронулись в обратный путь, были уже глубокие сумерки.

Ребята, напишите рассказ по этой картинке и пришлите нам в редакцию.

УРОК 1-й

ПОЧТОВО-ТЕЛЕГРАФНОЕ ДЕЛО

Умеете ли вы послать телеграмму? Наверное, умеете. А вот — правильно ли вы это делаете? Или так, как Марья Антоновна? Вот это мы сейчас узнаем.

Марья Антоновна написала вот какую телеграмму своей дочери:

«Город Молотов Ленинская улица дом номер четыре квартира двенадцать Наталии Петровне Тюленевой.

Дорогая Наташа твой папа Пётр Иванович Тюленев просит меня сообщить тебе

что он выезжает в субботу в долгую командировку в город Архангельск сроком на шесть месяцев. Выезжай из Молстова домой не позже среды а то можешь опоздать твоя мама Мария Тюленева».

Но телеграфистка отказалась послать эту телеграмму и сказала: «Надо написать короче. Выбросьте из вашей телеграммы всё лишнее, так, чтобы осталось двадцать слов вместе с адресом».

Марья Антоновна долго трудилась над телеграммой, но так и не сумела сократить её. Не возьмётесь ли вы сделать это? Кто сумеет, может поставить себе пятерку. Изменять фразы и слова не нужно, разве что вместо двух слов «шесть месяцев» можно поставить одно... Какое? Сами догадайтесь.

УРОК 2-й

СОЧИНЕНИЕ

1. Мы уже научились сочинять рассказы. Попробуем теперь написать стихи. Для начала сочините только половину стихотворения. Я вам дам рифмы — созвучные концы стиха:

волна
морская
видна
стая

Припишите к этим рифмам начала строк так, чтобы вышло маленькое стихотворение в четыре строки, но со смыслом. Самое лучшее стихотворение напечатаем. Не забудьте сами придумать заглавие к своему стихотворению.

2. Те ученики, которые уже научились писать простые, лёгкие рассказы, пусть выполняют такое трудное задание: написать небольшой (не длиннее одной странички в тетради) рассказ, в котором бы шла речь про все нарисованные внизу предметы и чтобы обязательно были в этом рассказе слова: «крик», «вдруг», «тихонько».

Кроме этих, могут быть ещё какие угодно действующие лица, и предметы, и слова.

Самый интересный и правильный рассказ будет напечатан в журнале.

КОНЬ-КАЧАЛКА

Мы настоящие друзья—
Мой всадник маленький
И я.
Служить ему всегда я рад,
И мы не расстаемся.
Мы вместе скачем на парад
И вместе в бой несёмся.
Но скоро-скоро час придёт
Сказать ему:
«Прости!»

Ведь он, счастливец,
Подрастёт,
А мне не подрасти...

1885

С. ПОГОРЕЛОВСКИЙ

Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ

На обложке

Рис. П. Алякринского «Суворовцы»

Год издания двадцать первый. Цена 2 руб. Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Редколлегия: А. П. БАБУШКИНА (Отв. редактор), Т. Я. КАРПИНСКАЯ, Л. М. КВИТКО, В. В. ЛЕВЕДЕВ, М. Н. СКАТКИН, К. А. ФЕДИН. Художественный редактор С. М. АЛЯНСКИЙ
Адрес редакции: Москва, Новая площадь, 6. Тел. К 0-48-23. Подписано к печати 22/V 1944 г. Л 50679. Объем 2,5 печ. л. (уч.-изд. л., 32 000 экз. в п. л. Тираж 100.000 экз. Заказ № 256.

3-я типография «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при СНК РСФСР. Москва, Краснопролетарская, 16.

6 ИЮЛ 1944